

ШВЕЙК ЗАЩИЩАЕТ ГАШЕКА

Незабвенный «Романыч»

Читательская масса знает, конечно, что в связи с исполняющимся 100-летием выдающегося юмориста нашей планеты Ярослав Гашека по городам и весям прокатилась волна ярославо-гашековских мероприятий. Проходили вечера и конференции, открывались выставки, демонстрировались кинофильмы.

Но одно мероприятие прошло вдали от взора общественности, в Малом зале ЦДЛ за закрытыми дверями, возле которых сидела пожилая женщина и отпугивала всех.

— Туда нельзя, там секретариат!

А на самом деле?..

Ранним апрельским утром сюда по одному и по двое стали приходить сумрачного вида люди и заполнять места вокруг длинного т-образного стола. И когда уж не осталось ни одного свободного стула, председательствующий скучным голосом произнес:

— Разрешите международный научный симпозиум, посвященный Ярославу Гашеку, считать открытым.

Оказывается, вот в чем дело! Писатели и литературоведы двух стран — Советского Союза и Чехословакии собрались вместе, дабы в свободной творческой дискуссии обсудить и окончательно решить, кто и что был Ярослав Гашек? Обе стороны единодушно признавали в лице автора знаменитых «Похождений бравого солдата Швейка» выдающегося юмориста мира. Отдавали должное его таланту, изобретательности и виртуозности, с которыми он наполнял яркими искрами смеха свои бесчисленные рассказы, фельетоны, памфлеты и пьесы.

Но существовал один пункт, который вносил в души участников симпозиума некоторую долю смущения. Ярослав Гашек из своей сорокалетней жизни около пяти лет провел в России. И не просто провел. Он активно работал среди иностранных пленных, оказавшихся в России, вступил затем в Красную Армию, стал коммунистом, был комиссаром, писал воззвания и статьи, редактировал красноармейские газеты и журналы, словом, героически действовал и мыслил. Впрочем, в ходе дискуссии никто этих фактов не оспаривал.

А вот выводы... С ними оказалось посложнее...

— Я прошу извинить меня, — заявил профессор из Братиславы, — но я не убежден, что известные всем нам обстоятельства из жизни писателя могут столь решающим образом повлиять на выбор образы, которой он принадлежит.

— Знаете, — воскликнул видный башкирский литературовед, — вся Уфа, да и Башкирия в целом считают Гашека своим земляком. И по праву...

— Однако нельзя лишать столь же естественного права пражан и жителей Липнице, они ведь тоже земляки, — язвительно заметил редактор многих выпусков сочинений знаменитого юмориста в Чехословакии.

— Но вы, надеюсь, не забыли, — вставил реплику знаток славянской литературы, розовощекий толстячок с венчиком белых кудряшек вокруг лысины, как у Саваофа, — что Гашек в свое время обошел пешком всю Самарскую губернию. Это тысячи километров!

— Про Самару не забыли! — возражали Саваофу, — так же как про Словакию и Чехию, которые Гашек тоже исходил вдоль

и поперек. Только вот наши исследователи гашековские километры не успели подсчитать.

— Но он был директором топографии в Уфе!

— ...И исправным банковским служащим в Праге.

— Устраивал веселые гала-представления в поволжских селах.

— ...Служил режиссером и антрепренером варьете на Виноградах.

— Да ведь его в Бугульме и звали совсем по-русски — Ярослав Романович.

— Хотя если бы обычай давать детям отчество существовал и в Чехословакии, то оно было бы совсем другое: Йозефович, по отцу Йозефу Гашеку. Ха-ха!

Кто-то предложил поделить Гашека пополам. Но его тут же осмеяли:

— Хотите, как в песне: «Тебе половину и мне половину»?

Таким образом, симпозиум зашел в тупик. В этот момент раздался чей-то робкий стук в дверь. Отодвинув одительного стража в кюбе, на пороге Малого зала появился Он. Мешковатый солдатский мундир, помятая пилотка, безмятежная глуповатая улыбка, блуждающая по широкому лицу, не оставляли никаких сомнений: перед нами стоял Швейк. Приложив ладонь к пилотке, он произнес:

— Осмелюсь доложить — бывший ефрейтор бывшей австро-венгерской армии Швейк.

Председательствующий, ошеломленный столь неожиданным появлением, вежливо осведомился:

— Чем можем служить?

— Видите ли, пан председатель, — немедленно отозвался Швейк, — я все время стоял за дверью и терпеливо слушал, о чем вы тут говорите. Но когда речь зашла о том, чтобы разделить пана Гашека на две половины, то я не выдержал. И заявляю, как теперь говорят, решительный протест. Осмелюсь доложить, что аналогичный случай произошел у нас на Малой Штепаньской улице с пани Павличковой. Этой уважаемой пани всегда казалось, что ее муж, переплетчик Гонза, помногу пьет пива за один присест. И она решила поделить его старую глиняную кружку пополам. А собрала одни черепки...

— Так что вы предлагаете?

— Я предлагаю оставить пана сочинителя, моего благословенного папашу, целиком, как он есть.

— Но на него претендуют...

— И пускай. Пусть каждый, кто захочет, берет с полки сочинителя таким, какой он есть, и целехоньким, невредимым ставит на место. Во всем должен быть порядок, как не раз вдалбливал мне в голову подпоручик Дуб.

— Гашек единый и неделимый — это гениально! — раздалась возгласы по-чешски и по-словацки, по-русски и по-башкирски, по-татарски и по-украински...

— Да будет так! — совсем уже по-божески произнес Саваоф. — Пускай Ярослав Гашек отныне и на века принадлежит всем, кто любит смех, ядреную, пересыпанную солью шутку.

Вот что на самом деле произошло в ЦДЛ в начале апреля с. г. и о чем автор считал необходимым довести до сведения широкой публики как заместитель председателя юбилейной гашековской комиссии, созданной секретариатом СП СССР, и один из 23 докладчиков на упомянутом симпозиуме.

Мануил СЕМЕНОВ.